

Иван Тургенев

Собственная господская контора

Иван Сергеевич Тургенев

Собственная господская контора

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3003445*

Аннотация

Датируется 1852–1853 гг. – временем написания романа «Два поколения». О том, что «Собственная господская контора» является отрывком из этого не дошедшего до нас произведения, свидетельствует не только подзаголовок («Отрывок из неизданного романа»), но и письмо Тургенева к П. П. Васильеву, в котором писатель сообщал: «...сколько я помню, был действительно помещен отрывок из сожженного мною романа под названием „Собственная господская контора“ в журнале <...>, издававшемся год или два в Москве под заглавием, если не ошибаюсь – „Московского вестника“». Обескураженный отрицательными отзывами о его романе «Два поколения» ... своих друзей и знакомых, Тургенев не собирался печатать даже отрывков из этого произведения. По-видимому, он просто уступил настоятельным просьбам редактора «Московского вестника» – Н. Н. Воронцова-Вельяминова, а также ближайших сотрудников – Н. А. Основского и И. В. Павлова, просивших Тургенева поддержать новое издание.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Комментарии

Иван Сергеевич Тургенев

Собственная господская контора (Отрывок из неизданного романа)

...Комната, в которую вошла Глафира Ивановна и в которой она ежедневно проводила часа два и более, называлась «Собственной господской конторой»^[1] – в отличие от «Главной вотчинной конторы», помещавшейся в отдельном флигеле, подле конного двора. В «Собственной господской конторе» постоянно заседал секретарь барыни, Левон Иванов, или, как его называла Глафира Ивановна, Léon^[2] (его в молодости выучили французскому языку, и он довольно свободно на нем изъяснялся); однако Глафира Ивановна в конторе с ним никогда иначе не говорила, как по-русски. Кроме Левона, каждое утро являлись в «Собственную контору» главный приказчик и бурмистр с докладами; часто призывался туда дворецкий, изредка сам управляющий Василий Васильевич^[3] – и только. Все же дела по имению, все платежи, продажи и покупки производились в «Вотчинной конторе», которая оттого всегда была набита народом; с утра до вечера толклись в ней, стояли и сидели разные писцы, земские,

приходящие и отходящие мужики, свои и соседние, старосты, десятские и т. п.

«Вотчинная контора» не могла похвастаться ни чистотою, ни благовонием. Случалось иногда, что свечи в ней горели голубым огнем, как бы в погребке или в бане. «Собственная контора», напротив, отличалась опрятностью: это была большая, светлая комната, с тремя окнами; у одного из них помещался секретарский стол, покрытый зеленым сукном. Вдоль стен тянулись шкафы из ясеневоего дерева; по самой середине, на особо устроенном возвышении, стояло ореховое бюро; за этим бюро, на широком и мягком кресле, садилась сама барыня; другое кресло, тоже довольно покойное, стояло несколько поодаль и пониже – для Василия Васильевича. Прямо против господского бюро висел на стене портрет напудренного старика в лиловом французском кафтане с стразовыми пуговицами, известного в свое время хозяина, дяди Глафиры Ивановны, от которого она получила свое имя^[4] и которого она поставила себе в образец.

В «Собственной конторе» к приходу барыни собралось три человека. Один из них, секретарь Левон, или Léon, молодой, белокурый человек, с томными глазами и чахоточным цветом лица, стоял перед своим столом и перелистывал тетрадь; другой, главный приказчик, Кинтилиан,^[5] человек лет пятидесяти с лишком – с седыми волосами и черными навислыми бровями, с лицом угрюмым и хитрым – неподвижно глядел на пол, скрестив руки на груди. Третий, наконец,

бурмистр Павел, красивый мужчина, с черной как смоль бородой, свежими щеками, большим белым лбом и веселыми блестящими глазами, развязно прислонился к двери. Хотя одежда на нем была не то крестьянская, не то купеческая, хотя он носил бороду — он мужиком не был. Глафира Ивановна произвела его в бурмистры из дворовых; под его управлением состояло — пока — одно только село Введенское — то самое село, в котором жила барыня, — но влияние его росло не по дням, а по часам; милости сыпались на него непрестанно; он быстро шел в гору, к великой досаде Кинтилиана, который сам, не более двух лет тому назад, разными происками низвергнул своего предшественника, Никифора, и стал на его место.

Три эти человека — до самого появления Глафиры Ивановны — не разговаривали друг с другом; только Павел спросил у Левона, записал ли он садовые работы; Левон кивнул ему головой. Когда же наконец барыня вошла, они все трое выпрямились и низко ей поклонились; Кинтилиан и Павел заложили руки за спину — Левон слегка оперся о стол. Глафира Ивановна, молча и не спеша, вошла на возвышение, отодвинула слегка кресла, села, оправилась и, приняв озабоченный вид, немного помолчала, наконец, обратившись к Левону, сделала повелительное движение рукою и промолвила: «Начинай!»

Левон взял тетрадь со стола, отвернул несколько листов, кашлянул и начал тонким, немного гнусливым голосом:

– «12 июля 184* года. Полевые и прочие работы.

Вчерашний день, июля 11-го, во вторник^[6] – день господский. Крестьяне села Введенского^[7] – всего 134 тягла – заняты были сенокосом в следующих дачах...»

– Что ты это мне читаешь? – резко перебила его барыня.

– Полевые и прочие работы, как изволили приказывать...

С них начинать приказано, – проговорил Левон.

– Мне этого не нужно сегодня.

Левон опустил тетрадь.

– Получены вчера из деревень донесения?

– Получено три – из Лисицына, из Гагина, из Кириллова.

– Читай рапорт из Лисицына.

– Прикажете рапорт или экстракт?

– Рапорт. – И Глафира Ивановна загремела четками...

Неприятно подействовал этот звук на присутствовавших. Каждый из них знал, что когда барыня гремит четками^[8] – дело неладно: жди бури. Лица их вытянулись; даже Павел, который всё время соколом глядел на свою госпожу, – даже он попридержал свою улыбку.

Левон взял со стола исписанный лист бумаги – и начал опять тем же тонким голоском:

– «Рапорт Евстигнея Семенова, Лисицынского старосты.

Пункт 1-й. В имении ее высокоблагородия, Глафиры Ивановны Гагиной, Лисицыне – Кондратове тож – милостью божиею обстоит всё благополучно. Пункт 2-й. Вчерашнего числа...»

Глафира Ивановна опять перебила чтеца:

– Не читай мне всего... Посмотри только, что он о пасеке пишет...

Левон быстро пробежал глазами весь рапорт.

– Он о пасеке не доносит-с, – произнес он наконец.

– Прекрасно! – воскликнула Глафира Ивановна – и четки загремели пуще прежнего. – Хорош староста, нечего сказать! Это *ты*, должно быть, его в старосты поставил, – продолжала она, обратившись к Кинтилиану. (Лисицынский староста был назначен еще Никифором, но Кинтилиан почел за лучшее промолчать.) – Сделать ему строжайший выговор с особенным замечаньем.

Левон наклонился и черкнул у себя в книге слова два карандашом. Наступило молчание.

– Прикажете читать дальше? – робко спросил Левон.

Барыня не отвечала ему и продолжала греметь четками. Левон поправил волосы на лбу и потупился. В комнате всё как будто замерло... только и стало слышно в ней, что жалобное жужжанье залетевшей большой синей мухи, тщетно стучавшейся в стекло.

– Достань «Заметки барыни», – промолвила наконец Глафира Ивановна, выходя из задумчивости. – Прочти мне, что я тебе вчера продиктовала.

Левон вынул из ящика своего стола голубую книжку с надписью на переплете: «Заметки барыни», – раскрыл ее и принялся читать:

– «Понедельник, 11-го июня.

Во-первых: Дворовым я желаю сделать другое распоряжение; хочу из дворовых сделать *колонистов*; а колонисты мои будут делать разные работы, домашние и прочие; построю им каменные флигеля; заведу фабрики, как швейные, так и кружевные, – ткацкую, белильную – и доведу до того, чтобы Введенские фабрики были известны в России; а ненужных дворовых продам или отпущу по разным местам. Начальник моих колонистов – Куприян Семенов». – Левон остановился.

– Какая по этому сделана отметка? – спросила барыня.

– «Принято к соображению. А насчет Куприяна – исполнено».

Барыня помолчала.

– Далее.

– «Во-вторых: Турка никогда и никуда не отпускать от скота; но только, чтобы он никогда не был начальником над оным – а просто назвать его: Турок и пастух». Отметка: исполнено.

«В-третьих: Я собрала посмотреть моих господских коров... Фи! Фи! Ну, что это за коровы? Но почему же и мне не иметь коров, которые бы давали удою три ведра, как говорил швейцар. Je réglerai, tout cela, je réglerai¹. Возьму швейцара, тирольца, овцевода, возьму лифляндку, немку, польку. Ах, когда же это случится: после дождичка в четверг». Отметка... отметки нет.

¹ Я всё это приведу в порядок, приведу в порядок (*франц.*).

– Нет отметки? – спросила Глафира Ивановна. – А я тебе скажу, какая должна быть отметка. Пиши, – и Глафира Ивановна начала диктовать Левону: – «Всё это исполнится и непременно исполнится, когда у меня будет настоящий управляющий – а не Василий Васильевич – что и говорить! Не такого, не такого мне надо^[9] – и только». Теперь далее.

Левон поставил после «только» большой восклицательный знак и снова принялся за чтение.

– «В-четвертых: Спросить каждого дворового человека следующим образом: а что ты принес доходу в год – какая была твоя служба – и сколько было на тебя расходу – а? И по его ответу так и поступать, чтобы дворовый человек приносил или пользу, или удовольствие; без того его не держать». Отметка: отнесено к пункту первому.

– Как к пункту первому! – воскликнула барыня.

– Там – также о дворовых говорится, – возразил Левон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Собственная господская контора. – О том, что в Спасском у В. П. Тургеневой комната, смежная с кабинетом, носила название «собственной барыниной конторы», упоминает В. Н. Житова в «Воспоминаниях о семье И. С. Тургенева» (Житова, с. 104).

2.

...секретарь барыни, Левон Иванов ~ Léon... – Прототипом его был главный конторщик В. П. Тургеневой – Леон (Лев) Иванович Лобанов (см.: Понятовский А. И. Тургенев и семья Лобановых. – Т сб, вып. 1, с. 273–274).

3.

Кроме Левона ~ Василий Васильевич... – В рукописи «Порядок в доме на 1848 год», принадлежавшей В. П. Тургеневой, читаем: «От 11-ти часов занимающиеся делами приходят без доклада к госпоже в контору и до 2-х часов идут занятия по конторе, донесения, доклады и проч.» (ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 451, л. 3 об.).

4.

...дяди Глафиры Ивановны ~ свое имение... – В. П. Тургенева получила Спасское по наследству от своего дяди – Ивана Ивановича Лутовинова (см.: Житова, с. 23, 24).

5.

...главный приказчик, Кинтилиан... – Это же имя носил управляющий конторой в имении В. П. Тургеневой. В одной из официальных бумаг, выданных «Спасской главной конторой» 8 ноября 1848 г., стоит подпись: «Управляющий конторой Кинтилиан Александров сын Саломин руку приложил». (Сообщил А. И. Понятовский.)

6.

«12 июля 184 * года ~ июля 11-го, во вторник... – В первой публикации месяц и день недели указаны ошибочно. Должно было быть: 12 и 11 июня и вместо вторника – понедельник. Это подтверждается сопоставлением данного текста с планом «Двух поколений» (см. наст. том, с. 351), где момент начала романа, соответствующий отрывку «Собственная господская контора», отнесен к 12 июня 1845 г., которое в том году приходилось на понедельник. Кроме того, на следующей странице текста «Собственной господской конторы» (с. 10), где речь идет о «Заметках барыни», Глафира Ивановна приказывает Левону прочесть то, что она ему вчера продиктовала, и он читает: «понедельник, 11-го июня». Ошибки могли попасть в печатный текст из рукописи, представленной Тургеневым в редакцию «Московского вестника», так как писатель нередко допускал такого рода неточности, в частности, в своих письмах.

7.

...села Введенского... – Введение – религиозный праздник, так же как и Спас. Очевидно, наименование селу здесь дано по ассоциации со Спасским – именем В. П. Тургеневой.

8.

...барыня гремит четками... – В. П. Тургенева в письме от 24 августа (5 сентября) 1840 г. просила сына прислать ей «четки», «по коим» она намеревалась «молиться и <...> перебирать в руках» (ГПБ, ф. 795, № 93). Эта просьба повторена была ею и в письме к И. С. Тургеневу от 30 ноября (12 декабря) 1840 г. (там же).

9.

...настоящий управляющий ~ мне надо... – В. Н. Житова вспоминает, что В. П. Тургеневу тревожили «поиски главного управляющего над всеми имениями. С Николаем Николаевичем Тургеневым, своим деверем, она примириться не хотела...» (Житова, с. 100–101). Об этом же свидетельствует письмо В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу от 24 апреля (6 мая) 1843 г., в котором она писала сыну: «Я говорю очень просто и внятно. Что я, оставшись вдовою от отца вашего, могла бы не иметь деверя, живущего в доме и управляющего всем – и что же бы? Пропала что ли? – не пропала бы, взяла бы управителя <...> как и все вдовы.

Почти ни у кого нет деверьев управляющими, все они с невестками не ладят» (ГПБ, ф. 795, № 96). См. так же: Заборова Р. Б. Тургенев и его дядя Н. Н. Тургенев. – Т сб, вып. 3, с. 226–227.